

Глава первая

Как всегда по воскресеньям, ехать мне не хотелось. Как всегда по воскресеньям, я, как могла, тянула время. А толку? — Ирис! — позвал Пьер. — Ты скоро?

— Да-да, уже иду.

— Давай скорей, мы опаздываем.

Почему муж так рвется на обед к моим родителям? Я, например, что угодно отдала бы, лишь бы отвертеться. Единственный плюс — можно надеть новое платье. Вчера вечером я успела закончить его, и оно мне понравилось. Я старалась по возможности не разучиться шить, не терять навыки. К тому же за шитьем я забывала обо всем: о смертельно скучной работе в банке, о повседневной рутине, о том, что мы с мужем больше вместе не спим. У меня пропадало ощущение, будто я живу в полусне. Напротив, я чувствовала себя живой: когда я работала в паре со своей швейной машинкой или делала зарисовки моделей, в душе звучала музыка.

Я в последний раз взглянула на себя в зеркало и вздохнула.

Потом спустилась к Пьеру в прихожую, где он нажимал кнопки на телефоне. Я на секунду остановилась, чтобы понаблюдать за ним. Я знаю его почти десять лет. С тех пор его воскресный наряд не изменился ни на волосок: сорочка из “рогожки”, льняные брюки и вечные топсайдеры.

— Я тут, — сообщила я.

Он вздрогнул, словно его поймали на месте преступления, и спрятал мобильник в карман.

— Наконец-то, — проворчал он, надевая пиджак.

— Смотри, вчера закончила. Как тебе?

— Очень красиво, как всегда.

Пьер уже открыл входную дверь и шел к машине. Он даже не взглянул на меня. Как всегда.

Ровно в 12.30 наша машина затормозила перед домом родителей. Отец открыл дверь. Выход на пенсию не пошел ему на пользу, он набирал вес, и воскресный галстук едва не впивался в шею. Он пожал руку зятю, наспех чмокнул меня и тут же увлек Пьера в гостиную, к бутылке традиционного портвейна. Я тоже зашла в гостиную, чтобы поздороваться со старшими братьями, приступившими уже ко второму бокалу. Один из них облокотился на каминную доску, другой читал газету на диване, они обсуждали политические новости. Затем я отправилась на женскую половину — в кухню. Мать в фартуке следила, как она это делала все последние сорок лет, за воскресной банней ногой, жарившейся в духовке, и открывала банки с зеленой фасолью. Невестки кормили обедом своих чад. Самых маленьких грудью, а те, что постарше, оторвались от праздничного блюда — карто-

фельных крокетов с холодной бужениной, — чтобы чмокнуть свою тетю. Я стала помогать матери — высушила латук и приготовила уксусную заправку, слушая, как они втроем сплетничают о мадам X, устроившей скандал в аптеке, и о месье N, у которого нашли рак простаты. Мать несколько раз повторила: “Постыдилась бы, так себя не ведут” и “Вот беда-то, такой молодой...”. Я хранила молчание: ненавижу сплетни.

Я продолжала молчать и за обедом, которым, как всегда, дирижировал отец. Время от времени я бросала взгляд на Пьера — он чувствовал себя в кругу моей семьи как рыба в воде. Я же откровенно скучала и томилась. Чтобы немного развлечься, я подавала на стол, как раньше, когда была “единственной девушкой в доме”. Впрочем, ничего удивительного, ведь из всех присутствующих только у нас с Пьером нет детей. Когда я вернулась к столу с сырной тарелкой, ко мне обратилась одна из невесток:

— У тебя классное платье, Ирис! Где купила?

Я улыбнулась ей и наконец-то почувствовала на себе взгляд Пьера.

— На собственном чердаке.

Она нахмурилась.

— Я его сама сшила.

— Ах да, я и забыла, что ты немножко умеешь шить.

Мне захотелось ответить, что не одна она такая забывчивая, но я удержалась. У меня не было ни малейшего желания устраивать скандал.

— Слушай, у тебя настоящий талант, я в шоке! Может, и мне что-нибудь сошьешь?

— Если хочешь, потом обсудим.

Ее желание надеть платье было, однако, из области чудес. Смену имиджа невестки можно было рассматривать как вызов, который я почла бы за честь принять. Ведь свои пышные формы — подарок нескольких беременностей — она обычно скрывала под широкими брюками и свитерами на размер больше, чем нужно.

От воцарившегося за столом молчания повеяло холодком, а я предпочла сесть на место и прекратить разговор на эту тему: встреча с разбитой мечтой давалась мне нелегко.

— Жаль все же, что Ирис не пошла в свою школу, — произнес мой старший брат.

Я поставила бокал, не успев сделать и глотка, и искоса посмотрела на него. Он выглядел как человек, который ляпнул чего не следовало. Я повернулась к родителям — они не знали, куда деваться.

— О какой школе вы говорите?

— Ты неправильно поняла, — ответила мать. — Твой брат просто сказал, что ты могла бы добиться успеха в этой области.

Я ухмыльнулась:

— Ну да, мама, ты меня здорово поддержала в моих начинаниях, не забуду никогда!

Меня словно отбросило на десяток лет назад. Я сшила ей выходной наряд. Думаю, если бы она дала мне тогда пощечину, мне было бы не так больно.

— Ирис, ты что, хочешь, чтобы я надела эту тряпку на свадьбу твоего брата? На кого я буду похожа? — бросила она мне в лицо, швырнув платье на стул.

— Мама, ну хотя бы примерь, — умоляла я. — Я уверена, оно тебе очень пойдет, я столько просидела над ним...

— Ну и что получилось? Лучше бы ты потратила это время на подготовку к экзаменам.

Голос брата вернул меня в настоящее. Он изучал лица родителей и вроде был доволен тем, что затронул предмет наших постоянных разногласий, продолжавшихся всю мою юность.

— Да ладно вам, уж расскажите ей. Срок давности истек, и это никак не изменит ее жизнь!

— Кто-нибудь может объяснить мне, о чем речь? — Я занервничала и вскочила из-за стола. — Папа? Мама?

Невестки вопросительно взглянули каждая на своего мужа и тоже встали. По счастливому совпадению, их детям срочно понадобились мамы. Тут и Пьер поднялся, подошел ко мне, обнял за плечи.

— Успокойся, — прошептал он мне на ухо, а потом повернулся к остальным. — Что это за история?

— Ладно, сдаюсь, — провозгласил старший брат, предварительно убедившись, что в столовой не осталось детей. — Ирис, после коммерческой школы ты, никому не сказав ни слова, подала заявление в школу кройки и шитья, так?

— Откуда ты знаешь? Да и какое это имеет значение, все равно меня не приняли.

— Ты так решила, потому что не получила ответа. Тут-то ты и ошибаешься...

Горло сдавило, я задрожала.

— Приняли, но от тебя это скрыли.

Голос брата пробивался ко мне сквозь пелену тумана. Он рассказывал, что родители вскрыли письмо и узнали, что я затеяла у них за спиной. А я тогда подумала, что после окончания этой чертовой коммерческой школы, куда они меня запихнули силой, наплевав на то, что я день и ночь бредила швейными машинками и домами моды, у меня появилось право делать то, что мне нравится. В конце концов, я была уже совершеннолетняя и спрашивать их не собиралась. Однако, как теперь выясняется, все вышло иначе: они тайком прочли письмо и сожгли. Они меня предали. Я чувствовала себя так, будто по мне прошелся дорожный каток. Родители украли у меня жизнь. Коленки подгибались, и я с трудом удерживала подкатывающую тошноту. Впрочем, недомогание быстро прошло, его вытеснила нарастающая ярость.

— Прости, мы, наверно, должны были тогда вмешаться...

Плевать я хотела на извинения братьев! Они не испытали на своей шкуре родительскую авторитарность. Во-первых, поскольку они мальчишки. Во-вторых, они выбрали юриспруденцию и медицину, что соответствовало представлениям нашей семьи о достойной карьере. Я повернулась к родителям, готовая кусаться, вцепиться им в глотку.

— Как вы могли? Вы... вы.. Это подло!

— Твой сдвиг на шитье всегда был смешным, — холодно парировал отец. — Как мы могли позволить тебе стать швеей на фабрике?

— После этой школы я бы не попала на фабрику! А даже если бы и попала, то что?! Мне же это нра-

вится! Простые рабочие вам не по вкусу? Вы не имели права вступать, делать за меня выбор, все ломать...

Все эти годы я объясняла провал собственной бездарностью. Считала, что я неумеха и ни капли способностей к шитью у меня нет. Но все равно продолжала шить и старалась совершенствоваться. А теперь оказывается, что я действительно могла чего-то добиться. Если бы не они, я бы сейчас не прозябала в банке!

— Все, Ирис, хватит! — резко воскликнула мать. — Сколько тебе лет?

— Вы всегда нарочно принижали меня! — закричала я. — Вы никогда в меня не верили!

— Мы хотели тебе добра. Ты вечно витала в облаках. Как мы могли допустить, чтобы ты сделала такое за полгода до свадьбы? День назначен, приглашения напечатаны, платье заказано...

— Пьер, дорогой, вы должны быть нам благодарны, — вмешался отец.

— Не втягивайте меня в эту грязную историю и не рассчитывайте на мою благодарность. Как можно предать своего ребенка? Вы упомянули свадьбу? Так вот, мы должны были обсудить этот вопрос вдвоем, Ирис и я. У вас тогда уже не было права решать за нее. Это стало моей обязанностью, моей ролью.

Я посмотрела на Пьера. В такие моменты я вспоминала, как сильно его люблю. Когда он защищал меня. Когда снова становился тем человеком, которого я когда-то встретила — который сражался за меня, уважал меня, был ко мне внимателен, для которого я что-то значила. Никогда бы не поду-